

* * *

Повис над холмом и рекою беспечной,
что по дороге в рай,
кровавым закатом щедро подсвеченный
облака рваный край.

И мучает путника наважденье,
смотри туда — не смотри...
На календаре от его дня рожденья —
две тысячи двадцать три.

Он ходит давно и, надеясь на лучшее,
греет рукой сердца.
Вдруг понял одно — ради этих заблудших
вновь позовёт Отца.

Их разум угас, потому и не ведают,
бедные, что творят.
Ах, только бы раз, и вернуться с победою!
Только бы всё не зря!

Не враг из толпы ни один человек ему:
правда — она проста.
Но будет его, позабытого, некому
вечером снять с креста.

* * *

Не рыком пуган и не лыком шит,
имеет и коня, и кол, и двор,
а для работы (или для души)
за поясом — сверкающий топор.

На праздники — рубаха в петухах,
горсть пряников смешливой детворе.
И в ласковых мозолистых руках
тяжёлый колос в поле на заре...

И крепок дух, пусть ноша нелегка,
но в дерзких отражается глазах
глухая, неизбывная тоска
да красный угол в тёмных образах.

* * *

Юлии Абрамовили

Семечко малое
дождик поливал.
В темечко славное
Бог поцеловал
девочку милую,
чистую душой.
Времечко минуло —
выросла большой.

Гладила девица
травы да цветы,
ладила с деревцем
дивной красоты,
верила в доброе
и хранила сны,
лето медовое
длила до весны.

Краски душевные
бережно брала —
кистью волшебною
кружево плела.
Словно нездешняя
эта красота.

Пёрышко нежное
тает у холста...

* * *

Гульзаде Мухаметовне Рзаевой

Мне на счастье Бог дал спицы:
и вяжу — вот цветы, птицы,
судьбы, праздники, дни, лица...
Отчего стал узор — серым?

Я уйду от заноз мелких,
я отдам колесо белке,
только как ни крути стрелку,
а по всем сторонам — север.

И внезапно сожмёт горло,
дел потянут на дно горы,
Но... лежит за окном — город,
тихо-тихо... И сны видит.

А один из них мой — вещей,
где весна за кормой плещет.
И отпустят тоски клещи.
Улыбнись и в рассвет выйду.

Чуть закрою глаза только
и вот так простою — долго,
словно Кама в своей Волге,
растворяя в тебе душу,

милый город... Ты стал взрослым.
Но придёшь — от забот звёздных —
обниму и спою просто,
тихо-тихо,
а ты слушай...

* * *

Эмилии Ивановне Леонгард

Где-то в небесных сферах
распределяют судьбы.
Замысел неподсуден
тот — ни тебе, ни мне:

кто-то по жизни первым
станет, а кто лишь будет
тихо мечтать о чуде
в каменной тишине...

Птицей не петь? Да можно ль
с этим душе смириться,
если ей небо снится
в гомоне певчих стай?
Ей не страшны таможни,
ей не важны границы.
Крылья — и с ветром взвиться —
слушай, звучи, летай!

Где-то в небесных сферах
распределяют судьбы...
Из тишины шагнуть бы,
да перебит в крыле...
Нет, ты взлетишь над серым —
в ярких симфоний чудо
с тем, кто рукою будет
Божией на земле.

* * *

«...От всех вокзалов поезда
уходят в дальние края».
Стучат колёса: «Ты ку-да?»
Но ничего не знаю я...

И думать не хочу — куда.
Откуда — тоже не хочу.
Под сонное та-дам-та-да
лишь улыбаюсь и молчу.

Плывёт, качаясь, дом-вагон,
ночь укрывает пледом шум.
Дышу с вагоном в унисон,
вдруг понимая, что — дышу...

Но тронет луч моё лицо,
луна растает в полумгле...
Я обручальное кольцо
оставлю тихо на столе.

А за окошком край земли!
Стоянка ровно пять минут.
Позолотив верхушки лип,
мне солнце обновит маршрут.

Вольюсь в тумана молоко,
тревожа заспанных ворон,
и *a капелла* каблучков
разбудит утренний перрон...

СЦЕНАРИЙ

*Его жизнь замерла однажды зали-
тым эпоксидной смолой сухоцветом.
Комната, окно, монитор. Белый
лист... Много прямых углов и линий.
Круглые лишь колёса. Он вращает их
руками — пленник своего тела...*

Снова вечер. Домой.

Отчего же внутри так сжалось?

Ты войдёшь — никого.

Остановишься, помолчишь.

Вот в прихожей у зеркала

просто лежат ключи.

Не твои... Да теперь и ничьи, пожалуй.

И зачем-то взглядом —

в ладонь: будто в карте мира

ищешь пункт назначения —

ту, конечную точку Б.

За окном «Вальс Бостон»

кто-то мучает на трубе,

грохот наглых часов

заглушая в пустой квартире.

Шкаф — нелепый, испуганный пассажир,
молча выдавленный в час-пик

из дверей трамвая, —

весь распахнутый и пустой,

словно тоже не понимает,

как устроен... а впрочем, да ну его, этот мир.

И ты видишь себя в чёрно-белом

немом кино,

в старом брошенном доме нелепой

тряпичной куклой,

и нестати придёт —

как весной налилась, разбухла

вся душа (или что там у нас в грудной);

как упругая зелень взрывала сухие ветви,

и заполнило маем растерянный календарь.

А потом твоих птиц убил на лету январь...

Как такое возможно?!

Давай, тишина, ответь мне!

Что ж, сегодня неплохо.

И зритель — немые стены —

аплодирует стоя сидячему режиссёру.

Насладившись привычно

игрой одного актёра,

ты ломаешь «Оскару» ноги —

медленно — по колено...

* * *

И стылыми тротуарами
под тихой луной шафранной
иду и уютжу медленно
небу ненужный снег.

Мне кот желтоглазый — пара,
случайный попутчик странный.

И я уже не уверена,

кто кот, а кто — человек.

Так оба идём — прекрасные

в этой своей ненужности —

молчим, никого не трогаем,

просто идём. А там

глядишь, и... сорвёмся радостно

с сонной земной окружности —

спесивым кометам рыжим

жестянки цеплять к хвостам...

НЕ

Не разрожусь стихами,
не раздражусь при хаме,
не покажу дыханья —
плюшевый Пикачу.

Стало оно постыло.

Солнце давно остыло.

Как домино просты

ловушки для дураков.

Сон ли? Взлетаю — птицей,

в поле мелькают лица,

требуя возвратиться.

Поздно — я высоко.

Не разрешу — руками.

Не соглашусь с тисками.

Небо, не отпускай меня.

Не хочу!

СТАРЫЙ БАЯН

Ирине Чертковой

Аплодисментов шум забудь,
покрыты патиной бока,
но всё ж поёт, а не скрипит.
Он не готов скрипеть пока.

Замрут меха на вдохе вновь,
по кнопкам — тёплая рука,
и снова, снова про любовь...
И тают звуки-облака.

* * *

Любе Сивко

Детство дымкой, увы, рассеялось,
и уже без чудес — всё сами —
мы живём, укрепляя коконы,
и довольны собой вполне.

Только домик на Федосеевской,
что под кронами-парусами,
не во двор — словно в душу — окнами,
я всё чаще вижу во сне.

ЛЕТО

За пыль и зной, за всё прощаю лето,
за то, чем вечно недовольны мы.
«Есть только миг...», и (да простят поэты!)
есть долгих девять месяцев зимы.

